

ПОЛИНА
РЕЙ

Сердце
(НЕ) БОЛИТ

Полина Рей

Сердце (не) болит

«Автор»

2026

Рей П.

Сердце (не) болит / П. Рей — «Автор», 2026

- Давид ты шутишь? Нашей дочери пересадили сердце твоей погибшей любовницы? Слова произносит словно бы другой человек. Не я, которая только что узнала страшную правду - Да, Эмилия, Аделина жива благодаря Наталье. Можем считать, что счёты моей второй жены перед вами закрыты. Вторая жена. О которой я узнала только на днях. И сейчас, когда Давид так спокойно мне это говорит, у меня возникает ещё одно предположение: - Тот младенец, которого забрали твоя мама и сестра. Это ведь не какой-то там подкидыш, как вы пытались представить? Это твой сын, да? Муж смотрит прямо и медленно кивает: - Да, это мой сын, Эми. Тот, которого ты мне бы никогда не родила. Но теперь он у нас есть - давай растить Адама вместе.

© Рей П., 2026

© Автор, 2026

Полина Рей

Сердце (не) болит

- Давид... ты шутишь? Нашей дочери пересадили сердце... твоей погибшей любовницы?

Слова произносит словно бы другой человек. Не я, которая только что узнала страшную правду...

- Да, Эмилия, Аделина жива благодаря Наталье. Можем считать, что счёты моей второй жены перед вами закрыты...

Вторая жена... О которой я узнала только на днях. И сейчас, когда Давид так спокойно мне это говорит, у меня возникает ещё одно предположение:

- Тот младенец, которого забрали твоя мама и сестра... Это ведь не какой-то там подкидыш, как вы пытались представить? Это твой сын, да?

Муж смотрит прямо и медленно кивает:

- Да, это мой сын, Эми. Тот, которого ты мне бы никогда не родила. Но теперь он у нас есть - давай растить Адама вместе.

Такси остановилось у ворот, и я несколько секунд просто сидела, глядя на знакомые очертания здания.

Дом смотрел на меня в ответ тёмными окнами - чужой, отвыкший от моего присутствия. Я не была здесь почти месяц. Ну как не была? Забегала несколько раз, да и то - быстро хватала нужное и обратно, в клинику. До операции Аделины боялась отойти от больничной койки дальше, чем на десять шагов, а после - тем более.

Водитель покосился в зеркало заднего вида, и я заставила себя выйти.

Когда зашла в холл, втянула носом ароматы - тут пахло так же, как и всегда - едва уловимо деревом, а ещё - чистящим средством, которым пользовалась домработница. Только теперь к этому примешивалась затхлость. Застоявшийся воздух от того, что никто не открывал окон.

Я сбросила кроссовки и на мгновение прикрыла глаза, свыкаясь с мыслью, что теперь всё более-менее хорошо и можно начинать пристраивать в голове варианты того, как мы вернёмся сюда совсем скоро.

Аделина спала, когда я уезжала. Врач сказал - динамика хорошая, показатели ровные, сердце приживается.

Пока я об этом старалась особо не думать - чужое сердце в груди моей дочери воспринималось мною как нечто странное. Но оно работало исправно, в отличие от её родного, которого выдавало дефекты слишком часто, чтобы я могла даже теперь, когда всё осталось позади, думать об этом отстранённо.

Две недели после операции, а я до сих пор вздрагивала от каждого звонка из клиники.

Однако сегодня врач сказал: «Езжайте домой, Эмилия Андреевна. Вам нужно отдохнуть. Пospите в своей постели хотя бы сутки. Аделине сейчас нужна спокойная мать, а не загнанная лошадь».

И я его послушала, потому что уже начинала замечать за собой то, что пугало - нервы были ни к чёрту.

Я прошествовала в гостиную и замерла. На диване, уткнувшись в ноутбук, сидел Давид, мой муж.

- Ты дома? - спросила я, понимая, что этот вопрос прозвучит слишком глупо.

Вот же - Шевцов собственной персоной, так зачем уточнять дома он или нет?

Мой муж поднял голову и посмотрел на меня как-то странно. За те недели, что мы виделись только урывками в клинике, он как будто постарел. Глубже стали складки у рта, резче - линия скул. И глаза - тёмные, с покрасневшими белками.

- Жду тебя, - сказал он и закрыл ноутбук.

И это тоже порядком удивляло. Последние несколько месяцев Давид почти не появлялся дома. Бизнес, дела, переговоры - я привыкла к тому, что его почти нет в наших с дочерью жизнях. Когда я ночевала в клинике, он приезжал утром, целовал Аделину в лоб, оставлял деньги на карте и снова исчезал. Иногда мне казалось, что мы не разговаривали нормально целую вечность.

- Я приму душ и вернусь, - сказала я, гадая, что могло от меня понадобиться Шевцову, что нельзя было обсудить по телефону.

Давид кивнул и я ушла.

В ванной долго стояла под горячей водой, чувствуя, как напряжение медленно отпускает плечи. Больница выматывала не только физически, но в первую очередь душевно. Запах антисептика, писк мониторов, лица других матерей в коридоре кардиологии. За последние месяцы я научилась различать оттенки страха в глазах посетителей - у кого-то надежда, у кого-то обречённость.

У нас была надежда и она меня не подвела - Аделина выжила, теперь курс был только один: на восстановление.

Я натянула домашние джинсы и футболку, собрала волосы в хвост. Посмотрела на себя в зеркало: тридцать восемь лет, а выгляжу на все сорок пять. Под глазами - тени, кожа бледная от больничных стен. Но это не имело значения. Главное происходило не со мной.

Когда вернулась из ванной, Давид уже ждал меня на кухне.

- Кофе? - спросила я, указав на две чашки на столе.

- Да, сварил нам обоим. Садись.

По тому, как он это произнёс, у меня внутри что-то сжалось. Я знала этот тон. Таким врачи вызывали в ординаторскую, когда новости были плохими. Ну или в подобной интонации Шевцов начинал разговоры, после которых всё менялось.

Я села напротив, обхватила чашку ладонями, чтобы немного согреться хотя бы снаружи.

- Что случилось? Аделина?.. - начала с опаской, мысленно говоря себе, что я бы уже знала, если бы с дочкой что-то было не так.

- Аделина в порядке, - тут же заявил Давид. Он качнул головой и посмотрел на меня в упор. - Речь не о ней, а о нас, Эмилия.

Я ждала, хотя, кажется, прекрасно понимала, куда сейчас поведёт разговор муж. А потом он заговорил - ровно, спокойно, как будто зачитывал отчёт на совете директоров:

- Я понимаю, что наш брак последние годы сложно назвать этим словом. Мы отдалились. Ты была вся в болезни Аделины, это нормально. Я не виню тебя - ты сделала для дочери всё. Но я оставался один, Эми.

Странно, но в этот момент я ещё ничего толком не поняла. Слушала его и думала: «Да, так и было. Мы отдалились, это было сложно не заметить. Наверное, Давид теперь хочет поговорить о том, как нам жить дальше».

- Понимаю, - сказала я. - У нас у обоих не было сил друг на друга. Но сейчас Аделина идёт на поправку. Мы можем попробовать...

- Подожди, - перебил Давид. - Дай мне договорить.

Он сделал глоток кофе и отставил чашку. Положил руки на стол ладонями вниз, и я вдруг заметила, что он не носит обручальное кольцо.

Давно? Кхм... Я ведь даже не заметила, что Шевцов его снял. Но почему?

- Чуть меньше, чем пару лет назад, к нам на фирму пришла стажёрка. Наталья. Ей только исполнилось восемнадцать. Совсем девчонка.

Внутри у меня что-то оборвалось - только я пока не могла даже осознать, почему именно. Я услышала это имя - «Наталья» - и ладони мгновенно стали влажными.

- Давид... - начала, но он вновь меня перебил:

- Выслушай! - сказал резче, чем требовалось, после чего добавил просительно: - Пожалуйста.

Я поджала губы, хотя и хотелось сказать - стоп! Замолчи! Не говори ни слова больше!

- Она смотрела на меня так, как на меня давно никто не смотрел, - продолжил муж, и в его голосе прорезалось что-то, чего я раньше не слышала.

Тоска по тому, как это было? Вина? Я не могла разобрать.

- Как на бога, Эми. Понимаешь? Я для неё был всем. А для тебя - стал пустым местом. Ты была в клинике сутками, Аделина угасала, я не мог ей помочь. Меня это истощало физически - я каждый день смотрел на свою дочь и знал, что она может умереть, и я ничего с этим не сделаю. А Наталья... с ней я забывал об этом. С ней было легко. Она не требовала, не обвиняла, не смотрела на меня так, будто я должен совершить чудо.

Я слушала и чувствовала, как мои пальцы леденеют на горячей чашке.

- Ты... ты завёл любовницу? - только и спросила тихо.

- Я завёл другую семью, - поправил он.

Пространство перед глазами покачнулось, а в висках застучало. Я смотрела на своего мужа - человека, с которым прожила двадцать лет, родила дочь, пережила её болезнь, её угасание, её почти-смерть - и не узнавала его. Вернее, узнавала, но теперь к его образу приклеилось что-то чужое и уродливое.

- Два года, - произнесла я чужими губами. - Два года ты...

- Я не мог тебе сказать. Ты бы не выдержала, да и Аделина была на грани. Сначала я просто ждал подходящего момента, а потом понял, что его не будет.

Он говорил это так, будто оправдывался, но в голосе Давида не было раскаяния. Он объяснял мне реальность, в которой жил сам, - ту самую, где его поступки имели смысл, логику, почти что справедливость.

Я отодвинула чашку. Кофе пах слишком резко, отчётливо, тошнотворно.

- Кто она? - спросила у Шевцова.

- Я сказал. Наталья. Ей было девятнадцать...

- Было?

Давид выдохнул - длинно, тяжело, будто скидывал с плеч невидимый груз. Потёр переносицу пальцами.

- Она погибла две недели назад, Эми. В день операции Аделины.

Мир вокруг меня сузился до размеров этой кухни, и лица родного человека, который за мгновения стал до безумия чужим.

Погибла. Две недели назад.

Я открыла рот и закрыла. В голове взорвалась пустота - такая звонкая, что я слышала собственный пульс.

- Подожди, - сказала хрипло и взмолилась: - Подожди! Две недели назад Аделине пересадили сердце. Две недели назад твоя...

Я запнулась. Слово «любовница» застряло в горле, как осколок, который ранил до ощущения, будто мне в глотку заливают собственную кровь.

- Да, - кивнул Давид, глядя мне прямо в глаза. - Сердце, которое пересадили нашей дочери, принадлежало Наталье. Я принял это решение вместе с её отцом, и оно спасло Аделину.

Я смотрела на Давида, и в моей голове билась одна-единственная мысль: в груди моей дочери, которую я целовала сегодня утром, бьётся сердце женщины, спавшей с моим мужем.

Сердце Натальи.

Мёртвой девчонки, которой было девятнадцать.

А потом до меня стало доходить... Были ещё обстоятельства, от которых хотелось спрятаться и закрыться.

- Давид... ты шутишь? - выдохнула я рвано скорее на автомате, чем осознавая всё случившееся: - Нашей дочери пересадили сердце... твоей погибшей любовницы?

Шевцов терпеливо вздохнул, и хоть желваки на его скулах проступили отчётливее, он ответил бесстрастно:

- Да, Эмилия, Аделина жива благодаря Наталье. Можем считать, что счёты моей второй жены перед вами закрыты...

Сознание стало уплывать и вернулось лишь в тот момент, когда я с силой прикусила нижнюю губу. Почти до крови... чтобы только отрезвиться болью.

Я вспомнила, что с неделю назад, когда я была буквально приклеена к клинике, где лежала Ади, моей свекрови подкинули младенца. Тогда Давид занимался этим вопросом и вроде как даже ему удалось пока оставить малыша у своей матери.

Я не особо вникала - мне было не до того, что происходит в чужом доме. И вот теперь я сообразила...

- Тот младенец, которого забрали твоя мама и сестра... Это ведь не какой-то там подкидыш, как вы пытались представить? Это твой сын, да? - выдавила из себя, постигая новую реальность, которая уже казалась душной клеткой.

Давид посмотрел на меня в упор, и я поняла ответ ещё до того, как он произнёс слова:

- Да, это мой сын, Эми. Тот, которого ты мне бы никогда не родила. Но теперь он у нас есть - давай растить Адама вместе.

У меня аж глаз задергался от того, что сказал муж, а с губ сорвался судорожный смех.

В груди моей дочери - сердце любовницы Давида. А моя свекровь растит малыша, которого родила другая. И сейчас Шевцов предлагает мне вдохнуть в нашу семью жизнь вновь и начать делать вид, что мы вместе, и у нас всё хорошо, чтобы... что?

Дать кров и любовь несчастному сиротке, который потерял маму в день своего рождения?

Я смотрела на мужа и не могла понять, кто из нас двоих сошёл с ума. Он предлагал мне это тем же тоном, каким, наверное, озвучивал совету директоров новую стратегию развития: спокойно, уверенно, с непробиваемой логикой человека, который всё уже просчитал.

- Эми, - сказал Давид, и его голос стал мягче.

Он потянулся через стол, но я отдернула руку прежде, чем его пальцы коснулись моих.

- Я понимаю, это звучит дико. Но давай посмотрим правде в глаза. Мы оба виноваты в том, что случилось с нашим браком. Ты ушла в болезнь Аделины с головой, я не смог оставаться один. Мы оба наломали дров, но сейчас у нас есть шанс всё исправить.

- Исправить? - переспросила я.

Собственный голос звучал глухо, он больше походил на воронье карканье, а не на привычный тембр.

- Ты завёл вторую семью, родил ребёнка, а теперь предлагаешь мне «исправить»?

- Я предлагаю тебе не разрушать то, что ещё можно сохранить. Адаму нужна семья, Эми. Он потерял мать в день своего рождения. Я не могу бросить его. Но ты... ты можешь стать ему матерью. Настоящей - не той, которая родила, а той, которая вырастит.

- У меня есть дочь, - сказала . - Мне не нужен ещё один ребёнок. Тем более тот, который появился на свет от твоей подстилки!

Клянусь, я не хотела так говорить о той, кого уже не было на этом свете, тем более, что её смерть стала спасением для моей дочери... Но слова сорвались сами - сказывалось моральное напряжение, в котором я пребывала.

Давид помолчал, потом кивнул - медленно, будто принимал мои слова к сведению и не спорил с ними до поры, до времени.

- Хорошо. Я тебя слышал, - произнёс он тоном, в котором сквозили нотки умиротворения.

Он поднялся, забрал свою чашку, и я вдруг осознала, что муж уходит. Прямо сейчас. Оставляет меня в этой кухне, где ещё витал запах кофе, который я так и не выпила.

- Что будет, если откажусь? - спросила я в его спину.

Давид обернулся и нахмурил брови.

- Ничего не будет, - пообещал он мне. - Я стану растить сына сам. Мама и сестра помогут.

Он сказал это так просто, что у меня перехватило дыхание. Значит, всё уже решено. И моё согласие - лишь приятный бонус, но не обязательное условие. Он не спрашивал разрешения. Он ставил меня перед фактом - и давал иллюзию выбора.

- Но я надеюсь, ты не откажешься, - добавил Давид тише. - Я буду ждать тебя у матери. Приезжай, когда будешь готова. Познакомишься с Адамом поближе. Он... он хороший малыш, Эми. Тихий. Совсем кроха. Ты поймёшь, когда увидишь его.

Я не ответила.

Шевцов постоял ещё несколько секунд, глядя на меня так, будто ждал чего-то. Может быть, слёз, скандала, или, напротив - молчаливого согласия. Однако я не дала ему ничего из вышеперечисленного.

Тогда Давид развернулся и вышел.

Хлопнула входная дверь, его шаги на крыльце затихли. Взревел мотор машины, и звук растаял в конце улицы.

Я осталась сидеть за столом. Передо мной стояла чашка с остывшим кофе, на который я уставилась так, словно он был ядовитой змеей.

Уже стемнело, и кухонное окно превратилось в чёрное зеркало, в котором отражалась я сама - бледная, с заострившимися скулами, с волосами, всё ещё влажными после душа, и глазами, в которых застыло что-то остекленевшее.

Я попыталась заплакать - не получилось. Слёзы теперь имелись у меня исключительно для нужных случаев, и я надеялась, что новых причин для истерик в обозримом будущем не появится.

Попыталась встать, но ноги будто приросли к полу. Мир вокруг стал картонным - декорации чужой жизни, в которую я случайно забрела.

Моей дочери пересадили сердце любовницы мужа... Она родила ему, и ребёнка забрала моя свекровь... А мой муж только что предложил сделать вид, что ничего страшного не случилось и мы можем начать всё заново.

Эти мысли крутились в голове, словно на репите...

Раньше я мечтала о тишине - после бесконечного больничного гула, после писка мониторов, приглушённых голосов врачей и плача других матерей в коридоре. Но сейчас молчание дома давило. Заполняло собой все углы, просачивалась под кожу, звенело в ушах.

Я не знала, сколько вот так просидела прежде чем встала, открыла кран с холодной водой и долго смотрела, как она течёт, не решаясь сунуть под струю ледяные пальцы.

Мысль, которая стучала в висках всё это время, наконец оформилась в слова, и я произнесла её вслух - просто чтобы проверить, как она прозвучит в пустой кухне:

- Моей дочери пересадили сердце его любовницы. Моей дочери пересадили сердце молодой шлюхи, которая легла под моего мужа...

И наконец из груди моей вырвался истеричный смех, в котором были лишь признаки приближающегося безумия.

А кто бы на моём месте не сошёл с ума, скажите?

Давид вышел из дома и остановился на крыльце, вдыхая вечерний воздух. Внутри ещё звенело напряжение - разговор с женой дался ему непросто, хоть он и готовился к нему несколько дней кряду.

Он сел в машину, но заводить двигатель не спешил. Откинулся в кресле, прикрыл глаза.

Почти два года он жил на разрыв. Утром - клиника, дочь, бледное лицо жены, которая смотрела сквозь него уже давно. Вечером - квартира, которую он снимал для Натальи. В этом жилище было тихо, спокойно и его там ждали.

Поначалу это льстило. Девятнадцатилетняя девчонка смотрела на него так, будто он и вправду был богом. Она ловила каждое слово, смеялась его шуткам, не требовала, не обременяла. С ней он забывал о том, что его дочь умирала. Забывал о жене, которая превратилась в тень у больничной койки.

И прежде всего из памяти испарялось всё, что было связано с его собственным бессилием.

Но проходили месяцы, и Давид начал замечать то, чего не хотел. Тишина в съёмной квартире была не уютной, а скорее пустой. Наталья смотрела на него с обожанием, но за этим обожанием не стояло ничего. Она не знала его настоящего - каким он бывает в гневе, каким - в отчаянии. Она любила картинку. Мужчину, который старше, сильнее, богаче, того, кто может решить любую проблему.

Он не любил её. Осознание этого пришло где-то на второй год и уже не отпускало. Наталья была суррогатом. Заменой того тепла, которое исчезло из его брака. Он привязался к ней, заботился, но не любил. И когда она забеременела - а ей нельзя было беременеть по медицинским показаниям, - Давид почувствовал не радость, а глухую, тянущую тревогу.

Она настояла, потому что до безумия хотела этого ребёнка. И он сдался - потому что будущий малыш означал новую жизнь, в которой у него будет сын, наследник. Ради этого стоило перетерпеть. Он был готов жить с Натальей и после родов, хотя понимал: это станет суррогатом вдвойне.

Суррогатная семья с суррогатной любовью.

А потом всё рухнуло.

Роды начались внезапно, на две недели раньше срока. Пока Дав ждал в коридоре - прокручивал в голове мысль: а вдруг это случилось потому, что он Наталью не любил? Впрочем, очень быстро думать об этом стало как-то не к месту. К нему несколько раз выходил врач, который рассказывал о том, что в родах вылезают осложнения за осложнением.

Давид помнил, как сидел на неудобной скамейке и смотрел в стену. За дверью врачи констатировали смерть мозга Натальи, а её сердце всё ещё билось. И тогда в голове у него что-то щёлкнуло. Сердце. Донорское сердце, которого они ждали для Аделины почти полгода и которое никак не находилось. Теперь оно было здесь - в груди женщины, которая только что родила ему сына.

Он набрал номер отца Натальи. Тот выслушал молча - и дал согласие, даже обещал примчаться сразу же...

А потом Давид позвонил в клинику, где находилась его дочь. Сказал трансплантологу, что появился экстренный донор, идеально подходящий по параметрам.

Аделину взяли в операционную тем же вечером.

Он не жалел об этом ни секунды. Сердце Натальи, которое не успело узнать его по-настоящему, теперь билось в груди его дочери.

И это было единственно правильным исходом.

Мать встретила его на пороге, сияющая, как начищенный самовар.

- Давид! А мы только что Адама искупали. Ты бы видел, как он довольно сопел!

Он вошёл в дом, где пахло детской присыпкой и чем-то сладким - кажется, сестра пекла пирог. Янина Борисовна, в свои шестьдесят шесть, выглядела помолодевшей сразу на десяток лет. Внук буквально вдохнул в неё жизнь.

В гостиной, укутанный в голубой плед, спал Адам. Рядом, в кресле, сидела Инга - сестра Давида. Ей было сорок, и рассеянный склероз, которым она страдала уже несколько лет, пока не проявлял себя агрессивно, но решение жить с матерью постоянно было принято в семье без споров. Инга улыбнулась брату тёплой, чуть отстранённой улыбкой.

- Как он? - спросил Давид, глядя на сына.

- Замечательно, - отозвалась мать. - Кушает хорошо, спит спокойно. Золотой ребёнок, а не малыш.

Янина Борисовна засуетилась, наливая сыну чай. Инга перевела взгляд с лица брата на мать и обратно.

- Ты что-то хотел рассказать? - спросила она негромко.

Давид сел за стол, обхватил чашку ладонями. Сделал глоток, потом заговорил:

- Я поговорил с Эмилией.

Мать замерла у стола. Инга опустила руки на колени.

- Рассказал ей? - уточнила Янина Борисовна.

- Да, рассказал всё, - про Наталью, про пересадку. Про Адама.

Повисла пауза. Мать Давида опустилась на стул рядом, поправила скатерть. Если судить по этому жесту, в котором крылась тревога, она переживала очень сильно, и Дав знал, по какому поводу именно.

- И как она отреагировала? - спросила Инга тихо.

- Растеряна, - ответил Давид, пожав плечами. - Но я дал ей время подумать. Она придёт в себя, я её знаю. Она не бросит ребёнка, тем более - моего сына.

Мать поджала губы и на её лице мелькнуло недоверие, щедро замешанное на понимании, что сама Янина Борисовна прежде всего мама нездоровой Инги, которая в ней отчаянно нуждается. А уже потом бабушка Адама...

- Ты уверен, что она сделает правильный выбор? - уточнила она.

- Уверен, - тут же кивнул Давид. - Эмилия - разумная женщина. Она поймёт, что Адам не виноват. И что мы с ней можем начать заново.

Янина Борисовна покачала головой, как бы говоря - ох, не знаю, не знаю. Не знал и Шевцов, но очень надеялся на то, что всё будет так, как нужно ему.

- Я буду ждать её ответа, - сказала наконец мать. - Но, Давид... женщину, которой только что сказали, что у мужа два года была другая, а теперь ещё и младенец на руках - её нужно понять. Не дави на неё.

- Я не давлю, - возразил Давид мрачно.

Мать посмотрела на него внимательно, но ничего не сказала. Лишь перевела взгляд на колыбель, где посапывал Адам, и улыбнулась краешком губ.

Давид допил чай и отставил чашку. Тоже посмотрел на сына - маленького, беззащитного, спящего и не знающего, что его самая огромная потеря уже состоялась.

Этот ребёнок уже стоил жизни одной женщине. И теперь Давиду предстояло сделать всё, чтобы он не разрушил жизнь второй.

Миновало двое суток с момента, как я узнала жуткую правду.

Я отсчитывала время не по часам, а по обходам врачей - утренний, дневной, вечерний.

Между ними сидела у постели Аделины и смотрела, как вздымается и опускается её грудь. Ровно, спокойно, без той судорожной аритмии, что прежде заставляла меня вздрагивать каждые пять минут.

Врачи повторяли одно и то же: динамика отличная, показатели ровные, сердце приживается.

Сердце.

Я ловила себя на том, что отвожу взгляд от того места на груди дочери, под которым билось оно - чужое, молодое, принадлежавшее девчонке, спавшей с моим мужем. Я не хотела об этом думать, но мысль возвращалась снова и снова, как вода, просачивающаяся сквозь трещину в плотине.

В клинике было легче. Здесь требовались конкретные действия: поправить подушку, позвать медсестру, ответить на вопросы врача, поддержать дочь за руку, когда она просыпалась и была со мной, в реальности. Здесь я была матерью, а не обманутой женой, и это давало хоть какие-то силы.

Домой я возвращалась только ночевать. И каждый раз, вставляя ключ в замок, задерживала дыхание.

В первый день после признания Давида я ходила по дому, как по минному полю. Кухня, где он сидел и спокойно, по-деловому рассказывал мне о второй семье. Гостиная, где он просматривал почту на ноутбуке, пока я в клинике держала Аделину за руку. Наша спальня, в которую он, видимо, приходил только переодеться - и снова уезжал к Наталье.

Я попробовала заснуть в гостевой комнате на первом этаже и не смогла - там было холодно, пахло пылью, и каждый скрип и шорох заставляли меня вздрагивать. В итоге уснула на диване в гостиной, накрывшись пледом, который когда-то вязала свекровь.

Задремала под утро с мыслью, что даже эта вещь теперь пропитана чужим присутствием.

Двое суток я почти ничего не ела. Кофе, яблоко, стакан воды. Открывала холодильник, смотрела на продукты и закрывала обратно - сама потребность в еде казалась бессмысленной, как и всё остальное. Я пока не могла думать о том, как жить дальше. Словно земля разверзлась, поглотила моё прошлое, а будущее ещё не проступило из тумана. Я будто бы висела в какой-то непередаваемой пустоте.

Давид сказал, что даст мне время, и сдержал слово - с той же аккуратной точностью, с какой делал всё остальное. Он молчал, и это было... хорошо.

Я пыталась представить, чем он занят. Сидит у матери, качает на руках сына? Разбирает рабочие документы? Говорит с сестрой о том, что я непременно буду согласна на всё? От мыслей становилось гадко, и я гнала их прочь, но они всё равно возвращались.

На третий день я задержалась в клинике дольше обычного. Аделина провела со мной почти час, даже слабо улыбнулась, и врач подтвердил: опасность миновала, дальше будет только лучше. Я вышла из больницы с чувством, похожим на облегчение, - осторожным, робким, будто дикий зверёк, которого боишься спугнуть.

Такси довезло меня до остановки у нашего загородного посёлка, оставшиеся пятьсот метров я прошла пешком - хотелось немного прогуляться. Вечер был тихий, безветренный, с бледно-розовым закатом, разлитым над крышами. Я вдыхала прохладный воздух и чувствовала, что могу думать не только о той катастрофе, в которую стремительно угодила моя жизнь.

У ворот стояла машина Давида - я приостановилась. Приехал получить ответ? Да, скорее всего, так и есть.

Войдя в дом, почувствовала запах еды - он ударил в нос прежде, чем я разулась. Пахло запечённым мясом, розмарином, чесноком и ещё чем-то сладким - то ли чуть подгоревшим луком, то ли глазурью. В прихожей горел свет, и из кухни доносилась музыка - что-то ненавязчивое, джазовое, из тех треков, что Давид частенько включал фоном.

Сам Шевцов вышел в коридор, вытирая руки кухонным полотенцем. Домашние джинсы, простая футболка, волосы влажные после душа. И улыбка - та самая, которую я когда-то любила. Спокойная, уверенная, чуть приподнимающая уголки губ.

- Эми, ты как раз вовремя. Ужин почти готов, - проговорил он.

Я стояла в прихожей и не могла заставить себя шагнуть дальше. Он вёл себя так, будто ничего не произошло. Будто тот разговор был дурным сном, который испарился с рассветом. И я сейчас пройду на кухню, сяду за стол, и мы будем обсуждать планы на выходные.

- Ты надолго? - спросила у Давида, и голос прозвучал хрипло.

- Как ты захочешь, - пожал плечами муж и добавил: - Проходи, еда стынет.

Я, немного помедлив, всё же прошла в сторону кухни и застыла на пороге.

Шевфоз расстарался так расстарался! На столе - две белые тарелки, приборы, бокалы на тонких ножках, запотевшая бутылка белого вина в ведёрке. Посередине - блюдо с мясом, овощи, салат, нарезанный хлеб в плетёной корзинке. И свеча. Настоящая, в стеклянном подсвечнике, с ровным жёлтым язычком пламени.

Последний раз он так сервировал стол лет пять назад, когда мы что-то праздновали. Тогда ещё у нас была семья.

Я опустилась на стул - Давид сел напротив, разлил вино. Поднял бокал в тосте и проговорил:

- За нашу дочь, - сказал он. - За то, что она жива.

Хм... Намёк, едва ли не прямой, на то, что Аделина спасена благодаря его любовнице...

Я не стала отвечать, но глоток из бокала отпила. Вино ударило в голову, несмотря на малое количество - сказывался тот факт, что я ничего толком не ела.

- Как прошёл день? - спросил Давид, беря в руки нож и вилку.

Ну просто умиротворение и семейная идиллия! Гадость...

- Хорошо, - ответила я, пробуя мясо и не чувствуя вкуса.

Если бы Шевцов пожарил на ужин резиновую подошву - для меня эффект был бы примерно такой же.

- Врачи дают отличные прогнозы, сердце приживается, - отозвалась я в тон тому, как говорил со мной муж.

- Отлично! - сказал он, и в голосе прорезалась гордость. - Аделина - борец. Я знал, что у неё всё будет просто прекрасно.

Хотелось поморщиться, но я сдержалась. Понимал ли Давид, о чём именно он говорит? Я ведь сражалась за жизнь дочери, пока сам Шевцов сражался с собственной скукой, найдя себе молоденькую шлюшку...

Продолжая есть, я понимала - вот-вот муж заговорит, когда сочтёт момент подходящим.

И точно. Когда тарелки наполовину опустели, а вина в бокалах осталось на доньшке, Давид отодвинул приборы, промокнул губы салфеткой и заговорил тем самым тоном, которого я ждала:

- Эми, я много думал эти дни о нас, и о том, что произошло.

Я подняла на него глаза, но ничего отвечать не стала - пусть выдаёт свои сентенции, как ему нужно.

- Я хочу, чтобы ты знала правду. Всю, без утаек.

Не удержавшись, я хмыкнула. Наконец-то до меня снизошли!

- Давай, - сказала я ровно, пожав плечами. - Попробуй ничего не утаивать.

Он подался вперёд, сцепил руки в замок на краю стола. Огонёк свечи отражался в его глазах двумя крохотными жёлтыми точками.

- Я не любил её, и ты должна это знать в первую очередь. Наталья была девчонкой - милой, восторженной, она смотрела на меня, как на бога, но я с ней был пуст. Я приходил и уходил оттуда таким же пустым, потому что искал замены тому, что у меня было с тобой, но не получал её.

Я слушала его всё так же молча - не перебивала: пусть всё же выдаст свою «правду».

- Ты была вся в болезни Аделины, - продолжал он. - Я это понимал - ты делала то, что должна была делать как мать. Но ты перестала быть женой. Ты перестала меня замечать. Мы

жили в одном доме, но между нами разверзлась пропасть, и с каждым месяцем она становилась шире. Мне было одиноко, Эми. Очень и очень одиноко.

Я положила вилку - аппетит пропал напрочь.

- И ты решил завести любовницу. Не включить мозг и не понять, что твоя жена буквально приклеена к твоему же больному ребёнку, а просто начать трахать другую...

- Я решил не сходить с ума! - резко поправил он меня. - Это была слабость - мужская, глупая, но всё же слабость. Я не ищу себе оправданий, пойми, просто объясняю, как это выглядело с моей стороны.

- Как это выглядело с моей, тебя не интересует? - спросила, хмыкнув и сложив руки на груди.

Он протянул ко мне руку, но я машинально отстранилась, не давая к себе прикоснуться.

- Интересует, - сказал он тихо. - Именно поэтому я здесь, а не у матери с Адамом. Я хочу всё исправить, Эмилия...

- Исправить, - повторила я. - Ты говоришь «исправить» так, будто речь о сломанной дверной ручке.

- Я говорю о семье.

- О какой семье, Давид? - выдохнула я горько. - Нашей семьи больше нет, какие бы счёты ни закрыла, по твоему мнению, та девка, которую ты использовал как донора за моей спиной.

Он поднялся, обошёл стол и остановился у меня за спиной. Я застыла, готовая вскочить в любой момент и закончить эту дурацкую беседу, которая уже ничего не решала.

Его ладони легли на спинку моего стула - ещё немного, и я не смогу оставаться на месте...

- У нас есть дочь, Эми... Аделина выздоровеет, врач сказал - прогнозы отличные. Ты сама это сегодня подтвердила. А ещё у нас есть сын. Адам - маленький, беззащитный, он ни в чём не виноват. Ему нужна мать. Ты можешь ею стать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.